

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
1. Первые и вторые люди.....	13
Имена и воплощения первого и второго человека	13
Пришвин и Достоевский о первом и втором человеке	21
Сальери.....	24
Три рода людей	32
Народ.....	38
Дурак	45
Смех	53
Любовь.....	59
Мужчина и женщина	70
Красота	75
2. Первый человек.....	80
Лидер, гений, поэт	80
Дар и заслуга	110
Род, рождение, родной	122
Ребёнок.....	125
Простой человек.....	128
Дурной первый человек.....	139
Правда	141
Закон.....	147
Праздник	149
3. Второй человек.....	153
Мережковский.....	153
Гений и талант	156
Брюсов	164
Риторика.....	172
Чехов и другие.....	183
Гоголь и другие	191
Второй человек в литературе.....	203
4. Первое и второе.....	209
От первого ко второму	209
Повтор	220

Никто и ничто.....	226
Ноль.....	232
Чёрт.....	233
Лицо.....	234
Россия и Запад.....	239
Интеллигенты и нигилисты.....	256
Коммунизм.....	269
Тоталитаризм.....	278
Революция.....	281
Власть.....	283
Наука.....	298
Письмо.....	354
Культура.....	364
Искусство.....	372
Первое и второе в пространстве.....	375
5. Третий, четвёртый, последний.....	387
Третий человек.....	387
Зритель, свидетель, судья.....	396
Первый–второй–третий.....	421
Трое в одном.....	423
Средний.....	440
Четвёртый.....	446
Последний человек.....	450
6. Некоторые продолжения темы.....	462
Ещё о первом и втором.....	462
Смысл жизни.....	481
Сальеризм.....	484
Инверсия.....	490
Пошлость.....	496
От второго человека к третьему.....	505
Смысл и толк.....	517
Мысль, слово, дело.....	533
Алфавитный указатель заметок.....	536
Указатель имён.....	544
Сокращения.....	559

Первый, второй, третий – постоянно
меняются местами, сначала в очереди
жизни и смерти, потом в сознании со-
временников, потом в собственном...
потом в сознании исследователей и по-
томков.

Андрей Битов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема этой книги выросла из одного частного наблюдения, сделанного в середине 80-х годов. Мне бросилось в глаза сходство двух текстов о первом и втором человеке – Достоевского и Пришвина, – сходство удивительное, вплоть до многих деталей. Я почувствовал неслучайность этих совпадений и большие глубины смысла, залегающие под ними, но долгое время не знал, как подступиться к этой теме, она была больше меня. Не было даже уверенности, что она может быть темой серьёзной научной работы. (Установка на научность разумелась тогда сама собой.) Так бывает с самыми общими, глобальными проблемами: предмет рассмотрения настолько широк, что кажется, будто о нём и сказать ничего нельзя кроме общих мест. Тем не менее интерес к теме сохранялся, исподволь собирался материал, первоначально во многом случайный, «разношёрстный», но и позднее я не пытался ограничить его какими-то историческими или жанровыми рамками. Единственным критерием отбора (кроме, естественно, соответствия теме) была общезначимость, «архетипичность» представленных в материале идей и выражений. Соответственно предпочтение отдавалось в первую очередь языковым и фольклорным данным, затем литературной классике, русской и европейской, но есть и немало примеров из современной литературы и самой злободневной публицистики.

С самого начала было очевидно, что нельзя будет обойтись без «соседних» понятий третьего, четвёртого, последнего человека. К основной теме стали подтягиваться другие, над которыми я думал в разное время. Разбирая старые и новые записи, я заметил, что некоторые из них словно сами собой складываются в некий сюжет. И хотя законченного, связного повествования, тем более традиционной научной монографии так и не получилось, этот сюжет и его ответвления, мне кажется, могут быть интересны сами по себе.

Эта книга не была бы написана без многолетнего стимулирующего и провоцирующего интереса со стороны Вардана Айрапетяна, который читал работу на разных этапах, много раз обсуждал её со мной и под конец согласился стать редактором книги.

Более опосредованным, но тоже очень значимым было влияние моих учителей Владимира Николаевича Топорова и Олега Николаевича Трубачёва. Очень много значила для меня и всесторонняя поддержка моей жены Людмилы Фёдоровой. Отдельные части книги читали и заинтересованно откликнулись на них Сергей Георгиевич Бочаров и Александр Борисович Пеньковский. На протяжении многих лет я чувствовал доброжелательное внимание Татьяны Владимировны Цивьян. Всем им моя глубокая благодарность. Отдельное спасибо художнику Евгению Демакову, Алексею Дмитриевичу Кошелеву, Михаилу Ивановичу Козлову, Маше Тимофеевой, Валентину Гусеву, Александру Григорьеву, Алине Поляковой, Рубену Арутюняну, Галине Сергеевне Сорокиной, Алевтине Николаевне Кубичевой, Александру Аникину, Владимиру Кучеренко.

Прошу прощения у всех, кого я позволил себе подвергнуть «классификации» и оценке. Это носило в основном игровой и эвристический характер.

Основной «единицей» текста являются конкретные заметки, именно на их названия, выделенные полужирным шрифтом, даётся большинство ссылок в тексте. Ссылки на названия разделов начинаются с прописной буквы. Алфавитный указатель заметок помещён в конце книги.

18.9.07

Второе издание дополнено новыми заметками, большим количеством вставок в старые, исправлены замеченные ошибки, уточнены многие формулировки. За содержательные отклики и ценные замечания к первому изданию я сердечно благодарен Андрею Битову, Сергею Георгиевичу Бочарову, Александру Борисовичу Пеньковскому, Ирине Степановне Приходько, Борису Останину, Гаянэ Шагоян, Левону Абрамяну, Левону Акопяну, Гаяне Арутюнян, Жасмине Вартановой, Наталии Александровне Гончар, Наталии Гончар-Ханджян, Гаянэ Ахвердян. Спасибо моим друзьям и добрым знакомым, словом и делом поддерживавшим меня: Манушак Ахназарян, Каринэ Максапетян, Павлу Балаяну, Сергею Мурадяну, Галине Шемякиной, Елене Мерзликиной, Ларисе Мельник, Людмиле Клепацкой, Неле Бахитовой, Галине Лоевской. Я искренне признателен художнику Евгению Демакову за

любезное разрешение использовать в оформлении переплёта ещё одну версию картины «Моцарт и Сальери».

26.7.13

Вот «исходные» цитаты из Достоевского и Пришвина (здесь и далее в цитатах ключевые слова и выражения подчёркнуты мною; мне же принадлежат вставки в квадратных скобках; прочие выделения в цитатах – курсив, разрядка, полужирный шрифт – авторские):

– Это я-то? – главный человек? – подхватил Стебельков, весело показывая сам на себя пальцем. [...] – Нет-с, позвольте. На свете везде второй человек. Я – второй человек. Есть первый человек, и есть второй человек. Первый человек сделает, а второй человек возьмёт. Значит, второй человек выходит первый человек, а первый человек – второй человек. [...] Была во Франции революция, и всех казнили. Припёл Наполеон и всё взял. Революция – это первый человек, а Наполеон – второй человек. А вышло, что Наполеон стал первый человек, а революция стала второй человек.

Достоевский. Подросток, 2.2.3

Почему нас манит девственная природа, где ещё не ступала нога человека? Так понимаю, что это является попыткой реализовать в небывалом своё первенство: первому ступить, где ещё никто не ступал, первому своим первым глазом увидеть такое, что на свете ещё никто не видал. И так открыть для людей неведомую страну. [...] Так везде и во всём первый человек в борьбе за своё первенство открывает для всех новую страну.

Но горе наше в том, что есть второй человек, который почему-то сам никак не хочет, а то и не может открывать новое и рассчитан на то, чтобы присвоить себе открытое. Сколько мы знаем открытий, присвоенных вторым человеком и названных его именем!

Первый человек открывает, второй эксплуатирует открытое. Первого человека следует назвать личностью, второго индивидуумом. У первых игра, как сила, у вторых – польза.

Пришвин. Глаза земли, миниатюра «Зерно личности» (1948)

Совпадения и в самом деле удивительные, при том что Пришвин когда писал свою миниатюру, вряд ли помнил о Стебелькове, хотя роман Достоевского он не мог не знать¹. Откуда же тогда совпадения? Очевидно они диктуются самой темой, самым «архетипом» первого–второго человека.

Главное, в чём сходятся два текста, это характер отношений между первым и вторым человеком (первый человек делает, от-

крывает, а второй берёт, присваивает, эксплуатирует то, что сделано первым) и происходящая в результате инверсия – мена местами, ролями, у Пришвина и именами. Но вдумаясь в эту фразу: «второй человек выходит первый человек, а первый человек – второй человек», и мы увидим, что симметрии здесь нет. Первый и второй до инверсии понимаются во временном смысле (то есть первый – «более ранний», «старший», а второй – «более поздний», «младший»). В этом временном смысле никакой мены быть не может: более ранний ни при каких реальных условиях не может стать более поздним по отношению к одному и тому же, и наоборот. Ясно, что «второй человек выходит первый человек» в другом, не временном смысле, а именно по важности, значимости. В этом последнем смысле первый – «главный», «важнейший» (Стебельков: «Это я-то? – главный человек?»), а второй – «второстепенный, подчинённый».

Таким образом, механизм инверсии сложнее чем может показаться сначала: первый по времени становится вторым по значению, а второй по времени – первым по значению. Уже вторично главному приписывается старшинство, временной приоритет, чем и создаётся видимость симметрии². Здесь налицо два порядка: временной (другие возможные названия: исторический, онтологический, естественный) и иерархический (или социальный). См. **Инверсия**.

Временной порядок является исходным, а иерархический – производным от него, но не обратным, по крайней мере во временном смысле, так как время необратимо (чему не противоречит цикличность времени в архаическом мышлении). Первый порядок естественный, то есть он соотносится с природой (миром, бытием), а второй с обществом. Это члены триады «природа, общество, личность», неразрывно связанной с древней триадой «дело, слово, мысль»³. Можно говорить и о третьем порядке, соотносимом с третьими членами этих триад – мыслью и личностью («я»). Его можно назвать (гносео)логическим или личностным. При этом порядке *первое* – нечто элементарное, простое, атом, индивид, то есть логически или познавательно исходное, отправная точка познания, принцип (ср. математические и философские аксиомы, постулаты), а *второе* – производное, семантически или логически сложное (ср. научные термины *конструкт*, *концепт*, *логическое следование*, *логический вывод*). Многие группы слов в каждом языке можно «провести» через эти три

порядка и проследить изменения их значений. Например *начало*, *начальный*: 1) первый во времени, старший, исходный, источник; 2) главный, верховный, важнейший (ср. *начальник*, *быть под началом у кого*); 3) принцип, основа, элемент (ср. *доброе и злое начало*, *начала геометрии*).

Само слово *порядок* имеет разные значения в зависимости от того, внутри какого из трёх порядков оно осмысляется: *временной порядок* это следование во времени от более раннего к более позднему (в частности от первого к последнему); *социальный порядок* – последовательность уровней иерархии (общественного положения), от более важного («высокого») к менее важному («низкому»), в пределе – от самого важного (главного) до последнего по важности, самого незначительного, «ничтожного»; *логический порядок* – переход от логически более простого к более сложному, в пределе – от простейшего, атомарного, индивидуального до всеобщего, вселенского⁴.

Эту схему, грубую как всякая схема (и в тем большей степени, чем большее обобщение в ней содержится), можно тем не менее использовать при толковании целых пластов лексики. В живом языке, в применении к конкретным словам-понятиям эта схема претерпевает разнообразнейшие переосмысления, инверсии, происходит постоянное сближение и отталкивание по форме и по смыслу, проецирование элементов одной сферы на другую. Охватить и систематизировать всё это многообразие очень трудно, я здесь ограничусь рассмотрением отдельных показательных случаев, которые могут дать хоть какое-то представление обо всём грандиозном целом.

---

¹ Ср. ещё одно «достоевское» слово у Пришвина – *Весьчеловек* (*Весь-человек*, *всечеловек*), по-видимому восходящее к *всечеловеку* из пушкинской речи Достоевского (см. комментарий в: *Пришвин. Дневники. 1938–1939*. СПб, 2010, с. 574).

² Ср.: «Главное и старшее, первое по важности и по времени. [...] При обращении природного порядка вещей, при перевероте последнее становится первым, то есть младшее главным. В сказках герой третий, младший брат. [...] Привычка начинать с конца создаёт “вторую природу”. Для консервативного мышления старшее есть главное, для революционного младшее есть главное, а для мифотворческого главное есть старшее (ср. “историческую инверсию”»)» (*В. Айрапетян. Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. 2-е, доп. и испр., изд. М., 2011, в521*). «Историческая инверсия» (термин Бахтина) – в некотором смысле даже доисторическая. Но именно после неё становится возможной история как письменная фиксация событий.

³ Об этой триаде часто, но коротко писал В. Н. Топоров, см. например одну из итоговых работ: Праславянская культура в зеркале собственных имён (элемент **mir-*) // ИЭС, т. 2 (2). М., 2006, с. 116, 140. Плодотворное различение двух порядков – эпиметеева (дело, слово, мысль) и прометеева (мысль, слово, дело) – предложено В. Айрапетяном (указ. соч., по указателю). См. ещё А. Григорян. Мысль, слово, дело – три рода и три сферы человеческой деятельности // Ноосфера и художественное творчество. М., 1991.

⁴ О «порядке бытия», «порядке вещей в природе» см. Топоров. Из наблюдений над загадкой // ИЭС, т. 1. М., 2004, с. 685сл. (прим. 31).

1. ПЕРВЫЕ И ВТОРЫЕ ЛЮДИ

А меж тем они живут ведь среди нас, не эти «третьи», но двое, о которых небывало многое бы можно сказать, и, однако ж, ничего до сих пор не сказано [...].

Рильке

ИМЕНА И ВОПЛОЩЕНИЯ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ЧЕЛОВЕКА

Если попытаться охарактеризовать одним словом первого и второго человека, то это по-видимому (перво)говорящий и слушатель (> думающий), см. **три триады**. Но конкретные воплощения первого и второго человека множественны и разнообразны. Для начала перечислим несколько самых характерных.

Первый как старший – библейский первочеловек Адам, древнеиндийский Пуруша, Ной и другие мифологические персонажи¹, первопроходец, первооткрыватель, основоположник, Гомер, Геродот, Сократ; первый как лучший, главный – Шекспир, Пушкин, гений, герой, царь, вождь, любой руководитель, лидер, «звезда» (экрана, эстрады, спорта), чемпион.

Классик, основоположник – первый в обоих смыслах: старший и лучший, поэтому Гомера, Шекспира, Пушкина и под. можно включить в оба ряда.

Второй человек – друг, враг, помощник, советник, заместитель, секретарь, последователь, подражатель, двойник, дублёр, ученик, поклонник, «фанат». Из конкретных вторых людей назовём пока только Сальери в пушкинской трактовке.

Вот несколько типичных пар: начальник – заместитель, мастер – подмастерье, учитель – ученик, изобретатель – разработчик, создатель – пользователь, автор – исполнитель, классик – эпигон, (исконный) владелец – захватчик, отец – сын, вообще предок – потомок, Дюма-отец и Дюма-сын, Николай I и Николай II, Сенека Старший и Сенека Младший, истец – ответчик, Моцарт – Сальери, Пушкин – Лермонтов, Маркс – Энгельс, Маркс – Ленин, Ле-

нин – Сталин², президент – вице-президент. Пары эти довольно разнородны (например Маркс и Энгельс соотносятся совсем не так, как Маркс и Ленин, см. **свой первый** и сл.), о некоторых из них подробно будем говорить ниже.

Ещё одно имя первого как главного – *хозяин*, *господин*. Этикетные обращения *господин*, *сударь* (из [*милостивый*] *государь*), *мистер* (из *magister*), *сэр*, *сеньор* (оба из лат. *senior* ‘старший’) «поднимают» адресата, ставят на первое место. От таких обращений отталкиваются «революционные» обращения *гражданин*, *товарищ*, основанные на идее равенства.

Обобщённое, расширенное понимание первого и второго человека представлено уже в приведённом отрывке из «Подростка»: Стебельков называет первым человеком революцию. То есть соотношение «первое–второе» стремится стать неким всеобщим классификатором, «парадигмой» мировосприятия. Ср. замечательно глубокие размышления Ч. Пирса о категориях первичности, вторичности и троичности (третичности)³; Пирс соотносит их соответственно с началом, концом и серединой:

Под третьим я имею в виду посредника, или связующее звено между абсолютно первым и последним. Первое есть начало, второе – завершение (the end), третье – середина. Второе – это цель (the end), третье – средство.

Ч. С. Пирс. Логические основания теории знаков. СПб., 2000, т. 2, с. 13–14; перевод В. Кирющенко и М. Колопотина

Третье – это то, что ставит Первое в отношение ко Второму. Знак – это своего рода Третье.

Пирс. Избранные философские произведения. М., 2000, с. 170; перевод К. Голубович

Главное, чего не хватает в рассуждениях Пирса, это человек, человеческое начало (см. **очеловечение смысла**).

¹ См. статью В. Н. Топорова «Первочеловек» в энциклопедии «Мифы народов мира».

² Ср. устойчивые схемы вроде «У это второй/новый Х», «У это Х сегодня».

³ Collected Papers of Charles Sanders Peirce, vol. VIII. Cambridge, 1969, § 329сл. В переводе Д. Лахути эти три категории – firstness, secondness, thirdness – передаются как «первость», «вторость», «третьесть», см. *Ч. С. Пирс*. Рассуждение и логика вещей: Лекции для Кембриджских конференций 1898 года. М., 2005, с. 175сл.

См. ещё *J. Gonda. Reflections on the Numerals «One» and «Two» in Ancient Indo-European Languages. Utrecht, 1953; В. Н. Топоров. Др.-инд. prathamá-: к реконструкции одного из вариантов индоевропейской концепции «первого» // ИЭС, т. 3 (2), с. 73–82; он же. К семантике троичности (слав. *trizna и др.) // ИЭС, т. 1. М., 2004, с. 273–91; он же. К семантике четверичности (анатолийское *тец- и др.) // Там же, с. 293–316; М. М. Валенцова. Первый в славянской традиционной культуре // Признаковое пространство культуры. М., 2002, с. 192–208; И. А. Седякова. Семантика и символика второго у болгар (с некоторыми славянскими параллелями) // Там же, с. 209–24.*

первый человек и миф

Всё связанное с первым человеком очень легко мифологизуется. Мифологичен не только вселенский первочеловек, но во многом и другие типы первого человека: жрец, пророк, царь, гений, поэт, чемпион, «звезда». Соотносимый с первым второй человек не может не перенимать частично эти же свойства, но сам по себе он принципиальный демифологизатор, разоблачитель мифов. При этом, правда, он сплошь и рядом впадает в противоположную крайность и создаёт свои мифы – миф об отсутствии мифов, о полной логичности и рациональности всего существующего. Много мифического и в современном культе науки, во всеобщей убеждённости, что наука знает и может всё, а если чего-то не может объяснить, то просто потому, что пока «не дошла» до этого.

Рассмотрим несколько устойчивых противопоставлений, важных для нашей темы.

один и много

Единственность и множественность; единство и разобщённость, цельность и раздробленность первого и второго (непервого) соответственно. Строго говоря, второй тоже один, но из двух смыслов, входящих в понятие второго, – ‘единственный непосредственно следующий за первым’ и ‘вторичный, второстепенный’ – часто актуализуется последний, что сближает понятие второго с понятием непервого, для которого множественность неотъемлемый признак. Это самое обидное для второго человека: находясь в непосредственной, столь соблазнительной близости к первому, он в то же время пребывает в постоянной опасности оказаться в презираемой им общей массе.

Чаще всего вторых бывает больше одного, но меньше чем много, ближе всё-таки к первому. Это ограниченное множество, обычно обозначаемое словами *несколько*, *немного*, *некоторые* и под. Когда вторых становится слишком много, само слово *второй* в таком контексте теряет смысл или приобретает комический оттенок, как в случаях со вторым местом на конкурсе красоты (см. **второй и непervый**) или со множеством первых заместителей.

первый и все

Первый человек противостоит всем остальным, не первым. Это касается и первого по времени (ср. в начальной цитате из Пришвина: «первый человек... открывает для всех», «открыть для людей») и первого по важности (царь – народ, поэт – толпа, руководитель – подчинённые); ср.:

Пушкин был мой первый поэт, и моего первого поэта убили. С тех пор я поделила мир на поэта – и всех и выбрала – поэта.

М. Цветаева. Мой Пушкин

У неё же в «Пушкине и Пугачёве» (первоначальный вариант концовки):

Один против всех и без всех.

Враг поэта называется – все. У него нет лица.

Анна Саакянц. Марина Цветаева. Жизнь и творчество, 2.7

Но ещё до всяких противопоставлений **первый** (по времени) и **все**, единственность и множественность слиты воедино. Ср. древнеиндийского Пурушу:

[...] др.-инд. *puruṣa-* (*pūruṣa-*) как обозначение «первочеловека» (но и человеческого рода в целом), конечно, связано и с *puru-* «**многочисленный**», «обильный», Adv. «**много**», «часто», но, вероятно, и с *pūru-* «начальный», «первый», «предшествующий», *pūrvam*, Adv. «до», «прежде», «раньше», *pūrvya-* «древний», «первый» и т. п. (: ст.-слав. **прѣвъ**, **прѣвътъ**) в конечном счёте из и.-евр. **prH-uo-* (**prH₃-uo-*) [...].

В. Н. Топоров. Др.-инд. prathamá-: к реконструкции одного из вариантов индоевропейской концепции «первого», с. 81

первое и всё

Первое, пока нет второго, совпадает со всем. И эта исконная всеобщность сохраняется в первом, хотя бы подспудно, всегда.

Никакое дальнейшее дробление и измельчание первого (после появления второго, третьего и т. д.), никакие инверсии не лишают его этого ореола всеобщности, полноты и целостности. Это плохо укладывается в аристотелевскую логику, но житейски на-верное всем понятно. Потому-то Пушкин, уже очень далеко ушедший от исконного всечеловека, тем не менее «наше всё». И потому так легко любому «маленькому человеку» возомнить себя гением (богом), ведь он так явственно ощущает в себе первого.

Соотнесённость первого со всем проявляется в очень разных областях. Ср. образы корня или зерна, из которых вырастает всё остальное. Пушкин, из которого выводят всю новую русскую литературу, фраза «Все мы вышли из «Шинели»/шинели Гоголя» (Гоголь здесь первый человек, классик); образ праматери, всеобщей прародительницы. Иначе соотносится со всеми первый как главный – правитель, руководитель. Ещё иначе – первый город, столица со всей страной или голова со всем телом. Подобно тому как каждому участку тела соответствует определённая точка в мозгу¹, строится в идеале и столичный город, делящийся на слободы или кварталы, соотносимые не только с разными частями страны, но и с разными родами занятий. Очень чётко и богато представлен этот принцип в Москве: в ней есть целые «тематические» районы: «п е т е р б у р г с к и й» (Кронштадтский бульвар, улицы Нарвская, Смольная, Выборгская, Онежская); «с и б и р с к о д а л ь н е в о с т о ч н ы й» (улицы Ленская, Енисейская, Сибиряков, Уссурийская, Амурская, Тагильская, Иркутская, Байкальская, Камчатская, Хабаровская, Красноярская, Чукотский и Берингов проезды), «п о л я р н ы й» (улицы Седова, Амундсена, Нансена, Дежнёва, Челюскинская), «к р ы м с к и й» (Севастопольский и Балаклавский проспекты, Симферопольский и Черноморский бульвары, улицы Керченская, Перекопская, Азовская, Херсонская, Сивашская), «к а в к а з с к и й» (Кавказский бульвар, улицы Бакинская, Ереванская, Севанская), «д е к а б р и с т с к и й» (улицы Декабристов, Пестеля) и т. д.

Широко представлены роды занятий: Скатертный, Хлебный переулки, Университетский проспект, Мосфильмовская улица, район Печатники. Ср. ещё названия, связанные с именами писателей, учёных, военных.

Не так уж важно, что многие из этих названий создавались искусственно, например чтобы символизировать дружбу народов,

в любом случае работал тот же механизм. То есть в идеале Москва представляется средоточием всего российского (прежде – советского) и не только российского мира (ср. Варшавское шоссе, Братиславскую улицу, станцию метро «Пражская», гостиницу «Будапешт», кинотеатр «Гавана» и т. д.).

---

¹ А есть ещё более глобальное представление о соотносённости каждой точки тела со всеми другими точками. Это представление переносится на пространство вообще и на смысловое пространство в частности.

мировой город

Разумеется Москва не просто первый город, это мировой город, один из немногих в истории. В древности такими были Александрия и Рим – «вечный город», куда вели все дороги, Константинополь, в средние века и в новое время – Париж, а в наши дни прежде всего Нью-Йорк, отчасти Лондон и тот же Париж, но и Москва. Петербург, по-видимому создававшийся с таким же прицелом и одно время отвечавший этому заданию, усилиями большевиков и неолевых оказался умалён и унижен. Даже новые «питерские» не изменили ситуацию, найдя применение своим специфическим талантам в Москве.

Мировыми городами на время становятся и столицы олимпиад, чемпионатов мира, крупных фестивалей.

Мировой город соотносится с мировым человеком, о котором см. *Айрапетян*. Толкуя слово, б316.

начало и всё

Близок к предыдущему взгляд, согласно которому начало предопределяет всё дальнейшее вплоть до самого конца. Ср. представление о врождённых свойствах людей и животных. Характер формируется в самом начале жизни, может быть даже в момент зачатия. Имя, один из основных атрибутов человека, даётся ему при рождении. И вещи получают свои названия при их создании или открытии. Как встретишь новый год, так его и проведёшь: «Коли первый день в году веселый (счастливый), то и год будет таков (*и наоборот*)», «Каково благовещенье проведешь, таково и весь год (*как 1 янв.*)» – ПД, с. 872, 876. То же и с началом дня (*встать не с той ноги*) и любого дела, ср. значение первого поку-

пателя, первого посетителя (ср. слав. *полазник*) и др. Наши первые люди – родители, учителя – задают направление всей нашей жизни. *На-ставник* – тот, кто ставит на (жизненный) путь. Биографии и характеристики всякого рода естественным образом начинаются с указания даты и места рождения, происхождения (родители) и образования (учителя). См. еще **значение первого**.

Особо отметим, что конец часто во многих деталях повторяет начало.

первый, второй и толпа

Второй человек в отличие от человека из толпы претендует на первое место, он видит величие первого, завидует ему (а толпу он презирает) и стремится вытеснить, заместить собой.

Толпа, по крайней мере вначале, первого совсем не понимает и не признаёт (прямо пропорционально его «первости» – оригинальности, новаторству, см. **успех**).

Драма второго в том, что он хочет быть первым, возвышаться над толпой, но всё время сознаёт, что он всего лишь один из многих. До трагедии она не дорастает, зависть и презрение слишком мелкие чувства для этого¹. Трагедия – удел первого человека, героя. Кроме того жизнь второго часто складывается намного удачнее жизни первого, по крайней мере внешне. Толпа гораздо легче принимает второго за первого, он (второй) ей ближе, понятнее, а ему легче подстраиваться под её вкусы. А настоящего первого толпа часто принимает за последнего. Но по большому счёту второй даже побеждая остаётся неудачником, а первый даже погибая побеждает (см. **«берновская триада»**).

---

¹ Даже в Наполеоне, хрестоматийном великом человеке, есть эта мелкость, вторичность, подмеченная Стебельковым. Именно эти черты выпячивал в нём Толстой в «Войне и мире».

недостаток второго человека

Главный недостаток второго именно в том, что он второй, не первый. Во всём остальном он может быть так же хорош как первый и даже лучше, но всё обесценивается вторичностью, которая воспринимается как второстепенность, второсортность (см. **эпигоны**).